

Посвящается Холли.

Он был эльфом.

Пролог

Лос-Анджелес, 2012 год

Киту особенно нравились те вечера, когда работал Сумеречный базар.

Такими вечерами ему позволялось выходить из дома и помогать отцу в палатке. Впервые он принял участие в Сумеречном базаре, когда ему было семь. Прошло еще восемь лет, а он до сих пор чувствовал то же самое удивление и предвкушение чуда, шагая по Кендалл-элли через центр Пасадены к глухой кирпичной стене. Ведь стоит ему пройти сквозь нее — и перед ним откроется мир ярких красок и сияющих огней.

Всего в нескольких кварталах отсюда были магазины «Эппл», торговавшие смартфонами и ноутбуками, лавки органических продуктов и кафе, филиалы «Американ Аппарель» и модные бутики. Но здесь переулок выходил на огромную площадь, со всех сторон обнесенную стенами, чтобы случайные зеваки не забредали на Сумеречный базар.

Базар устраивали теплыми ночами, и он одновременно был и не был. Шагая среди ярко украшенных палаток, Кит понимал, что все это разноцветье исчезнет с восходом солнца.

Но пока было возможно, он наслаждался каждой минутой. Нелегко было обладать Даром, когда ни у кого вокруг его нет. Даром это называл отец, хотя сам Кит не понимал, что в этом такого хорошего. Синезожая гадалка Пиацинт, чья палатка стояла у самого края базара, называла это Зрением.

Киту это слово казалось более подходящим. Он почти ничем не отличался от обычных детей, но и впрямь ви-

дел такое, чего другие видеть не могли: крошечных пикси, взлетающих с сухой травы вдоль растрескавшихся тротуаров; бледные лица вампиров на ночных автозаправках; когти оборотня, в которые превращались у него на глазах барабанившие по барной стойке пальцы какого-то парня... Кит был таким с детства, и его отец тоже. Зрение передавалось из поколения в поколение.

Сложнее всего было не реагировать. Однажды по дороге домой из школы Кит увидел драку оборотней на заброшенной детской площадке. Они рвали друг друга на части. Кит остановился и закричал. Подошли полицейские, но смотреть им было не на что. С тех пор отец почти не выпускал его из дома. Кит учился по старым книгам да играл в видеоигры в подвале, а на улицу если и выходил, то только днем или в ночь Сумеречного базара.

На базаре не приходилось бояться себя выдать. Там все было пестро и странно — даже для завсегдатаев. Ифриты водили на поводках дрессированных джиннов, красавицы пери танцевали перед лотками, на которых сверкали разноцветные и очень опасные порошки. В палатке с баньши любому желающему обещали сообщить дату его смерти, хоть Кит и не представлял себе, с чего бы вдруг кому-то захотелось такое узнать. Клурикон предлагал прохожим найти пропавшие вещи, а хорошенькая юная ведьма с короткими ярко-зелеными волосами продавала зачарованные браслеты и кулоны для привлечения суженого. Кит взглянул на нее, и она улыбнулась.

— Эй, Ромео! — Отец Кита слегка пихнул его локтем. — Хватит строить глазки. Помоги мне с вывеской.

Он пинком подвинул Киту железный табурет и протянул дощечку, на которой было выжжено название палатки: «У Джонни Грача».

Название было не из лучших, но Кит давно понял, что природа обделила его отца воображением. Что странно, думал он, забираясь на табуретку, чтобы закрепить вывеску: ведь среди его клиентов были колдуны, оборотни, вампиры, водяные, упыри, вурдалаки и даже одна русалка (с которой они тайком встречались в парке морских развлечений).

Впрочем, может, простая вывеска подходила лучше всего. Отец Кита продавал зелья и снадобья, а из-под полы приторговывал запрещенным оружием, но покупателей привлекало не это. Их привлекало то, что Джонни Грач очень многое знал. Он первым узнавал обо всем происходящем в Нижнем мире Лос-Анджелеса, и не было такого человека, на которого он не мог бы выйти или предоставить компромат. Джонни обладал информацией и готов был делиться ею за разумную плату.

Кит прыгнул с табурета, и отец протянул ему две пятидесятидолларовые банкноты.

— Разменяй у кого-нибудь, — сказал он, не глядя на сына и листая увлеченный из-под прилавка красный гроссбух, в котором были перечислены все его долги. — У меня мельче нет.

Кит радостно кивнул и отошел от палатки. Любое поручение становилось прекрасным предложением побродить по базару. Он прошагал мимо прилавка, усыпанного белыми цветами, от которых струился тяжелый, сладкий, ядовитый аромат; затем миновал другой, где несколько человек в дорогих костюмах раздавали листовки, а плакат у них за спиной гласил: «Ты полукровка? Ты не одинок. Слуги Хранителя приглашают тебя на лотерею. Поймай удачу за хвост!».

Темноволосая женщина с ярко-красными губами попыталась сунуть листовку в руку Кита. Тот отказался, и она метнула злобный взгляд поверх его головы, на Джонни. Отец лишь усмехнулся в ответ. Кит закатил глаза — культов было пруд пруди, и каждая секта почитала собственного ангела или демона. Но все без толку.

Заметив одну из своих любимых палаток, Кит купил стаканчик красной граниты, вкус которой сочетал в себе маракуйю, малину и сливки. Кит старался ничего не покупать у незнакомцев, ведь на базаре продавались такие напитки и сласти, которые могли сломать тебе всю жизнь. Но предосторожности были излишни: никто и так не рисковал связываться с сыном Джонни Грача. Джонни Грач всегда все про всех знал. Стоило кому-то перейти ему дорогу — и его секреты тут же становились достоянием общественности.

Кит вернулся к ведьме с зачарованными украшениями. У нее не было палатки — она, как всегда, сидела на цветастом парео из тех, что по дешевке продавались на Венис-Бич. Кит подошел ближе, и она подняла глаза.

— Привет, Вьюрок, — сказал он.

Имя вряд ли было настоящим, но именно так ее называли все завсегдатаи базара.

— Привет, красавчик. — Она подвинулась, чтобы освободить Киту место. Браслеты у нее на запястьях и на щиколотках звякнули. — И что же привело тебя в мою скромную обитель?

Кит сел рядом с ней. Его старые джинсы давно потерлись на коленях. Жаль, он не мог забрать отцовские деньги себе и купить новые!

— Отец послал меня разменять две полусотни.

— Тс-с! — Ведьма поднесла палец к губам. — Кое-кто тебе за эту сотню горло перережет, да еще и кровь твою продаст, выдав за драконью.

— Со мной такого не случится, — уверенно ответил Кит. — Здесь меня никто не тронет. — Он откинулся назад. — Разве что я сам того захочу.

— Жаль, у меня не осталось берегов от бесстыдных заигрываний.

— Да я сам твой оберег от бесстыдных заигрываний!

Кит улыбнулся двум прохожим — высокому, симпатичному парню с седой прядью в темных волосах и девушке-брюнетке, глаза которой скрывали солнечные очки. Они не обратили на него внимания. Вьюрок же посмотрела на парочку, которая шла прямо за ними, — грузного мужчину и женщину с каштановыми волосами, заплетенными в длинную косу.

— Защитные амулеты? — подмигнув, предложила ведьма. — С ними вам неприятности не страшны. Есть медные и золотые, не только серебряные.

Женщина купила кольцо с лунным камнем и пошла дальше, болтая со спутником.

— Как ты догадалась, что они оборотни? — спросил Кит.

— По глазам поняла, — объяснила Вьюрок. — Оборотни часто покупают то, чего не собирались. И никогда не обращают внимания на серебро. — Она вздохну-

ла. — Продажи этих амулетов взлетели до небес, когда начались убийства.

— Какие еще убийства?

Вьюрок поморщилась.

— Какая-то запутанная магия. Тела покрыты демоническими письменами. Кто обгорел, кто утонул... Руки отрезанные... Каких только слухов не ходит. И как только ты ничего не знаешь? Ты что, сплетен не слушаешь?

— Нет, — ответил Кит. — Не слушаю обычно.

Он смотрел вслед паре оборотней, которые приближались к северному углу базара, где ликантропы частенько покупали все необходимое — столовые приборы из дерева и железа, аконит, срывающиеся одним махом штаны (ну, насчет последнего Кит только предполагал, что такое приобретение оборотню не помешает).

На базаре собирались все обитатели Нижнего мира, но каждый вид старался держаться наособицу. Вампиры в своем уголке покупали ароматизированную кровь и искали новых жертв для порабощения — из тех, кто недавно лишился хозяина. В оплетенных виноградом беседках собирались фэйри, которые торговали амулетами и предсказывали судьбу. Закон налагал на них много ограничений, так что они располагались в стороне от основной части рынка. Немногочисленные грозные колдуньи занимали палатки в дальнем конце базара. Каждый из них носил на себе особую метку, которая выдавала его демоническое происхождение: у одних были хвосты, у других — крылья или рога. Однажды Кит видел колдунью с синей, как у рыбы, кожей.

А еще были люди, обладавшие Зрением, вроде самого Кита и его отца, — простецы, обычные люди, одаренные способностью видеть Сумеречный мир и смотреть сквозь чары. Вьюрок тоже была одной из таких: ведьма-самоучка, она заплатила колдуню, чтобы тот научил ее основным заклинаниям, но предпочитала не привлекать к себе излишнего внимания. Людям не положено заниматься магией, хотя любой может нелегально научиться ее применять. Так можно заработать неплохие деньги, если, конечно, тебя не поймают..

— Сумеречные охотники, — сказала Вьюрок.

— Откуда ты узнала, что я о них думаю?

— Они здесь. Двое.

Она мотнула головой куда-то вправо. Глаза ее тревожно вспыхнули.

На базаре почувствовалось напряжение. Торговцы принялись незаметно убирать с видных мест пузырьки и коробочки с ядами и снадобьями и зачарованные черепа. Джинны на поводках спрятались за спины хозяев. Пери прекратили танцевать и провожали Сумеречных охотников серьезными, холодными взглядами.

Охотников было двое — юноша и девушка, лет семнадцати, может, восемнадцати. Юноша был высок и хорошо сложен, на голове у него красовалась копна рыжих волос. Лица девушки Кит не видел, но ее светлые локоны волнами струились до талии. На спине у нее висел золотистый меч. Она шагала с такой уверенностью, которую невозможно подделать.

Оба охотника были в черных доспехах — плотной защитной одежде, которая выдавала в них нефилимов: наполовину людей, наполовину ангелов, бесспорных властителей всех сверхъестественных созданий на Земле. Их Институты, подобные огромным полицейским участкам, действовали в каждом крупном городе планеты, от Рио до Багдада, от Лахора до Лос-Анджелеса. Принадлежность к клану Сумеречных охотников передавалась по наследству, но при желании они могли обращаться в нефилимов и обычных людей. Потеряв множество своих в Темной войне, они отчаянно хотели пополнить свои ряды. Ходили слухи, что они могут похитить любого, кому еще не исполнилось восемнадцати и кто проявил хоть какую-то предрасположенность к их ремеслу.

Другими словами, любого, кто обладал Зрением.

— Они идут к палатке твоего отца, — прошептала Вьюрок.

Она оказалась права. Киту стало не по себе, когда он увидел, как они завернули за угол и направились прямо к вывеске «У Джонни Грача».

— Вставай.

Вьюрок вскочила и потянула Кита за руку, а затем, наклонившись, быстро собрала все товары в платок, на котором только что сидела. Кит заметил у нее на руке

странный символ — волны под языками пламени. Впрочем, может, это и не означало ничего особенного.

— Мне пора, — сказала она.

— Ты боишься Сумеречных охотников? — удивленно спросил Кит, отступая в сторону, чтобы не мешать ведьме со сборами.

— Тс-с, — шикнула она и поспешила прочь, сверкая яркой шевелюрой.

— Ну и дела, — буркнул Кит и побрел обратно к отцовской палатке.

Он подошел сбоку — голова опущена, руки в карманах. Отец, конечно, накричит на него, если он покажется при Сумеречных охотниках, особенно учитывая эти толки, будто они насильно забирают всех простецов, наделенных Зрением, и все же Кит не мог не подслушать разговор.

Блондинка наклонилась, уперлась локтями в деревянный прилавок.

— Рада тебя видеть, Грач, — широко улыбнувшись, сказала она.

Красивая, подумал Кит. Старше его. А юноша, что с ней, еще и выше его на голову. К тому же, она — Сумеречный охотник, а значит, ни о каком свидании и речи быть не могло, но восхититься ее красотой это не мешало. Обнаженные руки, длинный бледный шрам от локтя до запястья. По всей коже — черные татуировки, какие-то непонятные символы. Одна выглядывала из-под выреза рубашки. Кит сообразил, что это руны — священные метки, которые наделяют Сумеречных охотников силой. Их носили только нефилимы. Стоило начертить их на коже простеца или какого-нибудь обитателя Нижнего мира, и несчастный сходил с ума.

— Кто это с тобой? — спросил Джонни Грач, слегка кивнув в сторону юноши. — Твой знаменитый парабатай?

Кит еще живее заинтересовался парой охотников. Любой, кто знал о нефилимах, знал и о парабатаях. Двое Сумеречных охотников клялись друг другу в вечной верности и обещали всегда сражаться бок о бок. Они давали обет жить и умереть друг за друга. Парабатаи имелись у самых знаменитых Сумеречных охотников в ми-

ре — у Джейса Эрондейла и Клэри Фэйрчайлд. Это даже Киту было известно.

— Нет, — протянула девушка и взяла с полки возле кассы банку с зеленоватой жидкостью. В ней якобы хранилось любовное зелье, но Кит-то знал, что на самом деле там обычная вода, подкрашенная пищевым красителем. — Джулиану не по душе такие места. — Она окинула взглядом базар.

— Я — Кэмерон Эшдаун. — Юноша протянул руку, и Джонни пожал ее, улыбаясь чуть насмешливо. Кит воспользовался моментом, чтобы скользнуть за прилавок. — Парень Эммы.

Блондинка (значит, ее зовут Эмма!) едва заметно вздрогнула. Может, сейчас Кэмерон Эшдаун и вправду ее парень, подумал Кит, но вряд ли надолго таковым останется.

— Ну-ну, — пробормотал Джонни, отбирая банку у Эммы. — Полагаю, ты пришла забрать то, что мне оставляла.

Он вытащил из кармана какую-то красную тряпочку. Кит изумленно посмотрел на нее. Что интересного могло таиться в обычном лоскутке?

Эмма выпрямилась. На лице у нее отразилось нетерпение.

— Ты что-нибудь разузнал?

— Если бросить ее в стиральную машину вместе с белым бельем, носки точно порозовеют.

Нахмурившись, Эмма забрала тряпочку.

— Я серьезно, — сказала она. — Ты понятия не имеешь, скольких пришлось подкупить, чтобы ее достать. Ее нашли в Спиральном Лабиринте. Это обрывок рубашки, в которой моя мать была в день своей гибели.

Джонни поднял руку.

— Я знаю. Я просто...

— Не нужно сарказма. Это я могу сыпать шуточками, а твое дело — добывать информацию и сообщать ее, когда следует.

— И получать за нее плату, — добавил Кэмерон Эшдаун. — Не так уж плохо получать плату за сведения, а?

— Я ничем не могу вам помочь, — признался отец Кита. — В ней нет магии. Это просто тряпка. Изодран-

ная, побывавшая в морской воде, но в целом совершенно обыкновенная.

На лице Эммы явно промелькнуло разочарование. Не пытаясь скрыть свои чувства, она забрала тряпочку и сунула ее в карман. К собственному удивлению, Кит вдруг проникся сочувствием к этой девушке: до сих пор он и представить себе не мог, что когда-нибудь будет сопереживать Сумеречному охотнику.

Эмма посмотрела на него, как будто он случайно высказал свои мысли вслух, и ее глаза загорелись.

— Так ты тоже обладаешь Зрением? Как и твой отец? — спросила она. — Сколько тебе лет?

Кит похолодел. Отец быстро заслони́л его собой.

— Слушай, Карстерс, ты, кажется, хотела расспросить меня о недавних убийствах, — сказал он. — Или ты еще ничего об этом не слышала?

Похоже, Вьюрок была права, подумал Кит: об этих убийствах знали все и каждый. Тон отца выдавал беспокорство, и Кит понял, что ему стоило бы убраться поддобр-поздорову, да только за прилавком он был как в ловушке — все пути к отступлению отрезаны.

— До меня доходили слухи о погибших простецах, — ответила Эмма. Большинство Сумеречных охотников вкладывали в это слово, обозначающее обычных людей, куда больше презрения, но в голосе Эммы не слышалось ничего, кроме усталости. — Но мы не выясняем, почему простецы убивают друг друга. Это дело полиции.

— Но были и мертвые фэйри, — возразил Джонни. — Нашли несколько тел.

— Мы не можем вмешиваться, — сказал Кэмерон. — Ты ведь знаешь. Нам запрещает Холодное перемирие.

Кит услышал тихий шепоток из соседней палатки и понял, что не он один наострил уши.

Холодным перемирием назывался один из законов Сумеречных охотников. Точнее, это охотники называли его законом, а на деле это было просто наказание. Перемирие заключили лет пять тому назад, и Кит почти не помнил, как обстояло дело раньше.

Когда Киту было десять, во вселенной Нижнего мира и Сумеречных охотников разразилась война. Сумеречный охотник Себастьян Моргенштерн восстал против